

- smartfiction - <http://smartfiction.ru> -

Добрый вечер, милочка... Андрэ Моруа

Posted By *longman* On 02.03.2011 @ 06:41 In Рассказы | [1 Comment](#)

— Ты куда, Антуан? — спросила мужа Франсуаза Кеснэ.

— На почту. Хочу послать заказное письмо, а заодно вывести Маугли... Дождь перестал, небо над Ментоной уже очистилось — погода явно разгуливается.

— Постарайся не задерживаться. Я пригласила к обеду Сабину Ламбэр-Леклерк с мужем... Ну да, я прочитала в «Эклерере», что они приехали в Ниццу на несколько дней... Вот я и написала Сабине...

— О, Франсуаза, зачем ты это сделала? Политика, которую проводит ее муж, вызывает одно отвращение, сама же Сабина...

— Не ворчи, Антуан... И не вздумай уверять, будто Сабина тебе противна!.. Когда мы с тобой познакомились, она слыла чуть ли не твоей невестой!

— В том-то и дело!.. Не думаю, чтобы она мне простила, что я женился на тебе... К тому же я не видел ее лет пятнадцать... Надо полагать, она превратилась в зрелую матрону...

— Никакая она не матрона, — сказала Франсуаза. — Она лишь на три года старше меня... И все равно спорить сейчас уже бесполезно... Сабина с мужем будут здесь в восемь часов вечера.

— Ты могла бы посоветоваться со мной... Ну зачем ты позвала их? Ведь ты знала, что я буду недоволен...

— Счастливой прогулки! — весело бросила Франсуаза и поспешно вышла из комнаты.

Антуан пожалел, что ссора не состоялась. Уж такова была обычная тактика его жены — она всегда уклонялась от споров. Шагая по аллеям Антибского мыса, между рядами нескладных кособоких сосен, он думал:

«Франсуаза становится несносной. Она отлично знала, что я не хочу встречаться с этой четой... Именно поэтому она ничего не сказала мне о своих планах... Она все чаще ставит меня перед свершившимся фактом. Ну зачем она пригласила Сабину Ламбэр-Леклерк?.. Только потому, что скучает, не видясь ни с кем, кроме меня и детей. Да, но кто захотел поселиться в этом краю? Кто уговорил меня покинуть Пон-де-л'Эр, бросить дела, родных и в расцвете сил уйти в отставку, к которой я совсем не стремился?»

Всякий раз, когда он начинал вспоминать свои обиды, список их оказывался довольно

длинным. Антуан женился по страстной любви, его до сих пор влекло к жене и как мужчину и, можно сказать, как художника. Он часами, не отрываясь, разглядывал ее изящный носик, светлые лукавые глаза, безупречные черты лица. Но до чего же иногда она раздражала его! В выборе мебели, платьев, цветов Франсуаза выказывала замечательный вкус. Но в отношениях с людьми ей не хватало такта. Антуан глубоко страдал, когда Франсуаза оскорбляла кого-нибудь из их друзей. Он чувствовал и свою ответственность за нанесенную обиду, и свое бессилие. Вначале он осыпал ее упреками, которые она выслушивала с неудовольствием и на которые не обращала внимания, зная, что он простит ее ночью, когда в нем проснется желание. Потом он стал принимать ее такой, какой она была. После десяти лет совместной жизни он понял, что ее не переделаешь.

— Маугли, сюда!

Антуан зашел в почтовое отделение... На обратном пути он продолжал размышлять о Франсуазе и с каждой минутой все больше мрачнел. Была ли она по крайней мере ему верна? Он верил этому, хотя знал, что она часто ведет себя, как отчаянная кокетка, и порой даже забывает о благоразумии. Был бы он счастливее с Сабиной? Он вспомнил сад в Пон-де-л'Эр, где юношей встречался с ней. Весь город считал их помолвленными, да и сами они не сомневались, что рано или поздно поженятся, хотя никогда об этом не говорили.

«У нее был на редкость пылкий темперамент», — подумал он, вспомнив, как Сабина прижималась к нему во время танцев.

Она была первой девушкой, с которой он вел себя смело, чувствуя, что не встретит сопротивления. Он страстно желал ее близости. Затем появилась Франсуаза, и все женщины мира перестали для него существовать... Теперь он связан с Франсуазой навсегда. Позади десять лет совместной жизни. Трое детей. Партия сыграна.

Когда в гостиной он увидел жену, сиявшую свежестью, в муслиновом платье с яркими цветами, его раздражение сразу прошло. Ведь и дом, где они живут, и сад, которым неизменно восхищались гости, — детище Франсуазы. Именно она убедила его покинуть Пон-де-л'Эр и завод за несколько лет до кризиса 1929 года. Если взвесить все по справедливости, она, пожалуй, принесла ему счастье.

— А разве Мишлина и Бако не будут обедать с нами? — осведомился он.

Он так надеялся на это, он предпочитал милую болтовню своих детей беседе с гостями.

— Нет, — ответила Франсуаза, — я решила, что нам будет уютнее вчетвером... Поправь галстук, Антуан.

«Уютно!» — опять одно из тех слов, которых он не выносил. Нет, «уютно» не будет, — подумал он, завязывая перед зеркалом галстук. Сабина, наверно, начнет острить, а

Франсуаза — кокетничать с Ламбэр-Леклерком, этим чванливым твердолобым министром. Сам же Антуан будет хранить угрюмое молчание.

— Уютно!

Он услышал, как подъехал автомобиль и затормозил, колеса заскрипели по гравию. Супруги Кеснэ приняли непринужденные позы. Минуту спустя появились гости. У Сабины были черные волнистые волосы, полные плечи и красивые глаза. Ламбэр-Леклерк сильно облысел — несколько жалких волосков лежали на голом черепе, точно барьеры на беговой дорожке. Он был, казалось, не в духе. Видно, и он тоже против воли приехал на этот обед.

— Добрый вечер, милочка, — воскликнула Франсуаза, целуя Сабину, — добрый вечер, господин министр...

— О нет, милочка! — сказала Сабина. — Не вздумай только величать моего мужа министром... Ты же зовешь меня Сабиной, зови и его Альфредом... Добрый вечер, Антуан...

Вечер выдался на редкость теплый и ясный, и Франсуаза велела подать кофе на веранде. За столом разговор не клеился. Женщины скучали. Антуан из упрямства и, злясь на себя, весьма неосмотрительно противоречил Ламбэр-Леклерку, который, гораздо лучше информированный, чем его собеседник, легко побивал его в споре.

— Вы настроены оптимистически, потому что стоите у власти, — говорил Антуан. — На самом же деле положение Франции трагично...

— Да нет, дорогой мой, право же нет: денежные затруднения никогда не бывают трагичны. Французский бюджет показывает дефицит вот уже шесть веков, и слава богу!.. Поверьте, просто необходимо время от времени разорять рантье... Иначе к чему бы мы пришли? Вообразите себе эти капиталы, помещенные в банк под большие проценты еще со времен Ришелье.

— Английский бюджет не знает дефицита, — буркнул Антуан. — Более того, доходы превышают в нем расходы. И англичане от этого не страдают, насколько мне известно.

— Дорогой друг, — отвечал Антуану Ламбэр-Леклерк, — я никогда не мог уразуметь, что за страсть у французов вечно сравнивать две страны с разной историей, разными нравами и разными потребностями... Если бы Франция действительно нуждалась в сбалансированном бюджете, мы тотчас бы все устроили. Да только Франция вовсе к этому не стремится, или, если хотите, Франция не так уж сильно в этом заинтересована, чтобы согласиться также на средства, необходимые для достижения подобной цели. Характер бюджета — не финансовый вопрос, а политический. Скажите мне, на какое большинство вы намерены опираться, правя страной, и я скажу вам, как будет выглядеть ваш бюджет. Министерство финансов может подготовить любой

бюджет — социалистический или радикальный, а также реакционный... Достаточно сказать, чего вы хотите!.. Все это гораздо проще, чем воображают профаны.

— Так ли уж это просто? И посмеете ли вы высказать ваши соображения избирателям?

По каким-то малозаметным признакам, по тому, как внезапно ожесточился его взгляд, Франсуаза почувствовала, что ее мужа вот-вот охватит приступ ярости. Она решила вмешаться в разговор:

— Антуан, — сказала она, — ты бы прогулялся с Сабиной к монастырю, показал ей, какой вид открывается оттуда...

— Что ж, отправимся туда все вместе, — предложил Антуан.

— Нет, нет, — возразила Сабина, — Франсуаза права... Супругов надо разлучать... Так гораздо забавнее...

Она встала из-за стола. Антуану ничего другого не оставалось, как подняться и последовать за ней. Он успел бросить Франсуазе сердитый взгляд, который та не пожелала заметить.

«Мои опасения сбываются, — подумал он. — Теперь мне придется провести добрых полчаса наедине с Сабиной... Только бы ей не вздумалось потребовать от меня объяснения, которого она ждет вот уже десять лет! Неужели Франсуазе хочется, чтобы этот самодовольный министр ухаживал за ней?»

— Какой дивный запах! — произнесла Сабина Ламбэр-Леклерк.

— Это апельсиновые деревья... Навес, под которым мы сидели, тоже сплетен из ветвей апельсиновых и лимонных деревьев, глициний и роз... Но наши розы почти совсем одичали... Надо бы сделать прививку... Сюда, Сабина... Свернем на эту дорожку и спустимся вниз...

— А сами вы, Антуан, не одичали в своем уединении?

— Я? Да я всегда был дикарем... Вы что-нибудь различаете в темноте? Взгляните, по обе стороны бассейна растут цинерарии... При планировке сада в основу был положен контраст между темными, фиолетовыми или синими цветами и ярко-желтыми. Во всяком случае, такова была идея Франсуазы. А на этом склоне она задумала создать буйные заросли дрока, мастикового дерева, раkitника, царских кудрей.

— Я рада побыть с вами наедине, Антуан... Я очень люблю вашу жену, но как-никак мы с вами были когда-то большими друзьями до вашего знакомства с ней... Вы еще помните об этом?

Осторожности ради он замедлил шаг, чтобы не оказаться слишком близко к ней:

— Ну, конечно же, Сабина, как я могу забыть?.. Нет, идите прямо, вперед, сейчас будет мостик. Вот и монастырь. Что за цветы растут между плитами? Обыкновенные анютины глазки...

— Помните тот бал — мой первый бал? Вы отвезли меня домой на автомобиле вашего деда... Мои родители уже спали. Мы вошли в маленькую гостиную. Ни слова не говоря, вы привлекли меня к себе, и мы снова начали танцевать...

— Кажется, я даже поцеловал вас в тот вечер?

— Поцеловал!.. Мы целовались битый час!.. Это было чудесно... Вы стали героем моего романа...

— Наверно, я сильно разочаровал вас!

— Напротив, в начале войны вы совсем покорили меня своей доблестью. Вы держались великолепно... Я могла без запинки назвать все ваши награды. Я до сих пор помню их, могу перечислить хоть сейчас... Потом вы были ранены, а оправившись от ранения, обручились с Франсуазой Паскаль-Буше. Вот тогда, сказать по правде, я огорчилась... Да и как могло быть иначе?.. Ведь я так восхищалась вами... Услышав, что вы женились на девушке, которую я хорошо знала по лицу Сен-Жан, — мы учились в одном классе, она была очень мила, но глуповата, простите меня, Антуан,- я удивилась и огорчилась за вас... И не я одна, весь город...

— Но отчего? Мы с Франсуазой люди одного круга и вполне подходим друг другу... Взгляните сюда, Сабина: видите вот тог утес, весь в световых бликах? Это утес Монако... Не наклоняйтесь слишком низко — терраса висит над морем... Осторожно, Сабина!

Он невольно придержал ее за талию. Она молниеносно обернулась к нему и поцеловала прямо в губы.

— Будь что будет, Антуан! Уж очень мне этого хотелось! Трудно держаться на расстоянии от человека, который когда-то был тебе близок... Помните, как мы целовались на теннисном корте? О, я вижу, вы шокированы., Вы остались настоящим Кеснэ... Не сомневаюсь, что вы всегда были верным мужем...

— На редкость верным... Беспорочным...

— Это на протяжении десяти-то лет? Бедный Антуан!.. И вы счастливы?

— Совершенно счастлив.

— Если так, все хорошо, милый Антуан. Вот только не пойму, отчего у вас такой несчастливый вид.

— С чего вы это взяли?

— Не знаю... Просто, чувствую в вас какую-то неудовлетворенность, раздражение, какую-то неприкаянность... Что бы вы там ни говорили, Антуан, все же вы были настоящим Кеснэ из Пон-де-л'Эра, то есть человеком деятельным, привыкшим руководить людьми. А теперь вы живете здесь, оставив любимое дело и своих друзей... Я знаю: вы все принесли в жертву вкусам вашей жены... Но трудно себе представить, что вы никогда не жалеете об этом...

— Может быть, вначале я действительно немного тосковал... Но потом я нашел себе другое занятие. Всю жизнь я питал пристрастие к истории... Теперь я занялся этой наукой всерьез... Я даже написал несколько книг, которые имели некоторый успех.

— Некоторый, говорите вы? Ваши произведения имели огромный успех, Антуан, это замечательные работы... Особенно ваш труд о Людовике XI...

— Вы читали мои книги?

— Читала ли я их?! Да сотни раз! Во-первых, я тоже обожаю историю... А во-вторых, я искала в них вас, Антуан... Я по-прежнему интересуюсь всем, что имеет к вам отношение. И я считаю вас превосходным писателем... Нет, я нисколько не преувеличиваю... Признаться, меня даже удивило, что во время обеда Франсуаза ни единым словом не обмолвилась об этой стороне вашей жизни. Два-три раза мой муж пытался заговорить с вами о ваших книгах, но всякий раз Франсуаза прерывала его... Мне кажется, ей следовало бы гордиться вашим творчеством...

— О, да чем же тут гордиться... Но это верно, что Франсуаза не интересуется книгами такого рода... Она предпочитает романы... А главное, она и сама артистическая натура — как искусно она выбирает свои наряды, какой чудесный сад она разбила! Она сама наметила место для каждого цветка. С тех пор как кризис захватил и Пон-де-л'Эр, наши доходы сократились. Теперь Франсуаза вынуждена делать все сама.

— Франсуаза делает все сама! У Франсуазы столько вкуса! Забавнее всего, что вы действительно в это верите! Слишком уж вы скромны, Антуан... Я знала Франсуазу девушкой, тогда у нее было несравненно меньше вкуса, чем сейчас. Во всяком случае, как и все семейство Паскаль-Буше, она питала неумеренное пристрастие к безделушкам и украшениям... Во всем этом была какая-то слащавая претенциозность... Это вы развили ее вкус, открыв ей красоту простых и строгих линий...

А главное — вы дали ей средства, позволяющие вести эту жизнь. Ее сегодняшний наряд, безусловно, очарователен, но не забывайте, дорогой друг, что это платье от Скъяпарелли. Заказывая наряды у лучшего портного, не так уж трудно проявить вкус.

— Вы ошибаетесь, Сабина... Это платье Франсуаза сшила сама, ей помогала только служанка.

— Бросьте, Антуан, нас, женщин, не проведешь!.. Эти вытачки, безупречное изящество

складок... К тому же только у Сьяпарелли можно встретить подобный рисунок ткани, характерное смешение золотистых тонов с перваншем... А впрочем, все это совсем неважно...

— Увы, это гораздо важнее, чем вы думаете, Сабина!.. Я ведь уже говорил вам, что мы сейчас крайне стеснены в средствах... Наши доходы не идут ни в какое сравнение с прежними... Пон-де-л'Эр больше ничего не дает и Бернар пишет, что так может продолжаться несколько лет... Книги мои расходятся довольно хорошо. Иногда я пишу также статьи... И все же бедняжка Франсуаза не может позволить себе одеваться у первоклассных портных.

— Ну, если так, это просто чудо, милый Антуан! Невероятно, но чудесно!.. Мне остается лишь склониться перед Франсуазой... Впрочем, я всегда была расположена к ней... Никак в толк не возьму, отчего ее недолюбливают.

— Ее недолюбливают?

— Да ее просто ненавидят... Неужто вы не знаете?.. Меня поразило, что в Ницце ее осуждают точно так же, как в свое время в Пон-де-л'Эр...

— За что же ее осуждают?

— О, да за то же, что и прежде... За эгоизм, за кокетство с мужчинами и коварство с женщинами... За лицемерие... И, конечно за отсутствие такта... Помнится, я всегда защищала ее. Уже в те времена, когда мы вместе учились в лицее Сен-Жан, я говорила: «Франсуаза Паскаль-Буше гораздо лучше, чем она кажется... Видно, это ее наигранный тон и неприятный голос восстанавливают вас против нее...»

— Вы находите, что у нее неприятный голос?

— Ну знаете ли, Антуан!.. Хотя после десяти лет совместной жизни вы, очевидно, уже притерпелись... Впрочем, это не ее вина, и я ее не корю... Я другого не могу ей простить — что она, будучи замужем за таким человеком, как вы, в то же время...

— В то же время... что вы хотите сказать?

— Да нет, ничего...

— Вы не имеете права, Сабина, начинать фразу, полную намеков, и внезапно обрывать ее... Может быть, те, кто сообщил вам все эти сведения, утверждают также, что у Франсуазы были любовники?

— Вы серьезно спрашиваете, Антуан?

— Как нельзя серьезнее, уверяю вас...

— Вы же знаете, дорогой, что точно так же судачат о всякой хорошенькой женщине...

Кто знает... Порой случается и дым без огня... Франсуаза слишком неосторожна... Подумать только, ведь еще в Пон-де-л'Эр ее обвиняли в том, что она любовница вашего брата!

— Бернара!

— Ну конечно, Бернара...

— Вот уж ерунда... Бернар — воплощенная честность.

— Поверьте, именно это я не переставая твердила всем... Франсуаза даже не подозревает, с каким упорством я всегда защищала ее... А что это за серебристая полоска, сверкающая в свете луны?

— Это повилика.

— Прелестно! Она напоминает лилии гефсиманских садов... Вы не находите?

— Нет, не нахожу... Не хотите ли вернуться?

— Уж очень вы торопитесь, Антуан... А я бы охотно осталась с вами в этом саду на всю ночь.

— Меня что-то знобит...

— Дайте мне вашу руку... Да она и в самом деле холодна как лед! Хотите, я укурю вас своей накидкой?.. А ведь мы бы могли так прожить всю жизнь, тесно прижавшись друг к другу... Вы никогда не жалели об этом, Антуан?

— Что мне ответить вам, Сабина? Ну, а вы? Вы счастливы?

— Очень счастлива... Как и вы, мой бедный Антуан, силюсь подавить отчаяние... Подниматься надо по этой тропинке, да? С вами я могу быть откровенна... Долгое время я мечтала только о смерти... Теперь стало легче... Я смирилась с судьбой... Да и вы тоже.

— Как вы проницательны, Сабина

— Не забывайте, что я когда-то любила вас, Антуан... Отсюда и моя проницательность... Дайте мне опереться на вашу руку... Очень уж крутая тропинка... Скажите мне, Антуан, когда вы наконец поняли, что за человек Франсуаза? Когда вы увидели ее в истинном свете?.. Ведь в момент женитьбы вы были просто без ума от нее...

— Боюсь, что мы с вами сейчас говорим на разных языках, Сабина... Я бы хотел, чтобы вы меня поняли... Я и сейчас чрезвычайно привязан к Франсуазе... Да что там «привязан», это смешное, жалкое слово. Просто я люблю Франсуазу... Но, как вы справедливо заметили, первые два года нашего союза были годами особенно полной и восторженной любви, которую я имел все основания считать взаимной.

— Вот как?!

— Как мне понять вас? Нет, Сабина, вы заходите слишком далеко... Вам не удастся отнять у меня мои воспоминания... В те годы Франсуаза дала мне такие доказательства своей любви, что даже слепец не мог бы обмануться... Мы жили душа в душу... И были счастливы лишь в уединении... Не верите? Но в конце концов, Сабина, я-то знаю, что говорю: ведь именно я был с Франсуазой... А не вы.

— Но я знала ее раньше вас, мой бедный друг... Я видела вашу жену ребенком. Она и ее сестра Элен росли вместе со мной... Как сейчас вижу Франсуазу, стоящую во дворе лица с ракеткой в руке, когда, обращаясь к нам с Элен, она объявила; «Я должна выйти замуж за старшего из сыновей Кеснэ, и я непременно добьюсь этого».

— Не могло этого быть, Сабина! Семейство Паскаль-Буше издавна не ладило с моим, и Франсуаза не была даже знакома со мной... Мы встретились с ней совершенно случайно в 1917 году, когда я выздоравливал после ранения...

— Случайно?... Очевидно, вы и впрямь этому поверили... А у меня до сих пор звучит в ушах голос Элен, рассказывающей о положении своей семьи. Дело в том, что еще в самом начале войны господин Паскаль-Буше разорился вконец... Он был кутила и коллекционер, и то и другое — дорогостоящие прихоти... Дочери всегда называли его «наш султан», и он, безусловно, заслужил это прозвище... Реставрация семейного замка во Флерэ доконала его. «Послушайте, девочки, — сказал он Франсуазе и Элен, — в наших краях есть только два семейства, с которыми стоит породниться во имя нашего спасения: семейство Тианжей и Кеснэ». Девочки ринулись в бой и одержали двойную победу.

— Кто рассказал вам эту историю?

— Я уже говорила: сами сестры Паскаль-Буше.

— И вы не предостерегли меня?

— Не могла же я выдать подругу... К тому же я не хотела лишать ее единственного шанса. Ведь никто — ни в Лувье, ни в Пон-де-л'Эр, за исключением разве наивного Дон-Кихота, вроде вас, не женился бы на ней... У нас в Нормандии не любят банкротов...

— Но господин Паскаль-Буше никогда не был банкротом...

— Верно, но как ему удалось этого избежать?... Пока шла война, его поддерживало правительство, ведь другой его зять, Морис де Тианж, был в ту пору депутатом парламента... а после войны... Вы сами лучше моего знаете, что вашему деду в конце концов пришлось оказать ему помощь... Расчеты вашего тестя оправдались... Ах, опять этот божественный запах!.. Вероятно, мы приближаемся к веранде... Остановитесь на минутку, Антуан, я совсем задыхаюсь...

— Это оттого, что вы разговаривали, поднимаясь в гору.

— Положите руку мне на сердце, Антуан... Слышите, как неистово оно бьется. Вот вам, возьмите мой платок, вытрите губы... Женщины — ужасные создания, они сразу же замечают малейший след губной помады... Ну что вы делаете, разве можно вытирать рот собственным платком? На нем же останутся следы... Не будь вы примерным супругом, вы бы уже давно знали это?.. Так... а теперь почистите свое левое плечо: что, если на нем остались следы пудры!.. Отлично... Теперь мы можем выйти на свет божий.

Спустя несколько минут гости уехали. Женщины нежно простились друг с другом.

Article printed from smartfiction: **<http://smartfiction.ru>**

URL to article: **http://smartfiction.ru/prose/godnight_ma_chere/**

<http://smartfiction.ru> — качественная литература по будням. Коротко.